

М.В. ИЛЬИН

ИМПЕРСКАЯ ФОРМА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРЯДКИ РАЗЛИЧНОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ СЛОЖНОСТИ¹

Вспоминаются времена, когда слово *империя* воспринималось исключительно как ругательный приговор. Даже ближайшие друзья воспринимали попытки обсуждать имперские параметры политической организации СССР и новой, только возникающей России в лучшем случае с недоумением. Большинство же реагировало на них как на явное ретроградство и политический выпад против демократии и свободы. Помню радость, с которой прочитал статью Александра Филиппова «Наблюдатель империи» [Филиппов, 1992] и понял, что не одинок, что имперская форма не только может у нас обсуждаться, но и будет исследоваться в отечественной науке.

С тех пор протекло два с лишним десятилетия. Менялись интеллектуальные и политические моды. Произошло несколько всплесков моды и на империю, имперскость и даже на империализм. Но серьезный разговор так и не состоялся. Разрозненные голоса того же Александра Филиппова, Вадима Цымбурского, Святослава Каспэ, Светланы Лурье и еще дюжины коллег потонули в могучем потоке идеологически или конъюнктурно мотивирован-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-00310 а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства», а также Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в рамках исследовательского проекта «“Good enough governance” в условиях режимных трансформаций: качество заимствованных институтов в странах догоняющего развития».

ных писаний. Даже многочисленные конференции и книги, описывавшие практики российской, советской и некоторых других империй, не смогли ничего изменить. Они ввели в оборот множество фактов, но скорее затемнили, чем прояснили понимание изучаемых феноменов.

Все это вполне объяснимо. После весьма активных и довольно содержательных дебатов последних полутора десятилетий нам всем примерно интуитивно ясно, что в целом понимается под империями. И даже разговоры об имперской организации как будто бы обретают некие общие основания. Спасибо за это журналу «Ab Imperio» и авторам сборников, о которых уже шла речь. Поэтому говорить о деталях, об обстоятельствах, об особенностях и прочих подвижных аспектах и свойствах империй совсем нетрудно. И понимать друг друга в целом не составляет большого труда. Кажется, что язык один и понятия прозрачны. Но это только при обсуждении поверхностных – при всей их важности и актуальности – аспектов и моментов имперской проблематики. Однако стоит только копнуть поглубже и задать вопросы не о том, что и как было с империями, каково их нынешнее состояние и чем может обернуться их изменчивый облик завтра или послезавтра, а об их фундаментальных свойствах и возможностях, о типах и формах организации, как окажется, что нет ни общего языка для этого разговора, ни понятий, которыми «ухватывается», концептуализируется хоть что-то лежащее глубже поверхностных, «данных нам в ощущение» проявлений имперской стихии.

Данной статьей мне хотелось бы побудить коллег отринуть чары кажущейся ясности и включиться в более требовательную и трудную работу по прояснению системных характеристик империй, их типов и форм. Попробуем посмотреть на некоторые слова и термины, которые употребляются легко, непритязательно и довольно приблизительно (например, *имперская организация, форма, природа*), чтобы указать на конкретные практики и явления с точки зрения их возможностей для основательной концептуализации имперского феномена в его максимальной полноте и глубине. В самом деле указать на веротерпимость, пестроту обычаев и разнообразие их варьирования по всей территории империи и потом «обобщить», сказав, что такова, мол, имперская природа, значит уклониться от действительного анализа как идейной пестроты, так

и «природы» империи, что бы под этим ни понималось тем или иным исследователем.

Непосредственное наблюдение пестрой фактуры и аналитическое усмотрение отвлеченной «природы» следует отчетливо разводить. В своем замечательном сочинении «Демократия и ее критики» Роберт Даль предостерегал от того, чтобы сравнивать, а значит, ставить на одну доску, «уравнивать» идеализированные образцы демократии с примерами ее фактического несовершенного осуществления в тех или иных условиях. Он образно подчеркивал, что «мы должны избегать сравнения идеальных (*ideal*), то есть воображаемых, апельсинов с действительными (*actual*), то есть настоящими, яблоками, ибо эта процедура скорее предназначена показать, что действительные яблоки хуже идеальных апельсинов» [Даль, 2003, с. 125]. В данной статье будет последовательно проводиться различие и отделение абстрактных аналитических инструментов анализа (морфологическая форма империи и цивилизации, ее вариации или морфологические модели, более детальные морфологические формулы, отдельные имперские институты и т.п.) от экологически, в жизнеформах¹ проявленных исторических порядков, а тем более фактуры повседневного существования конкретных империй и цивилизаций. Это не легко, конечно, поскольку мы употребляем одни и те же слова (*столица, лимес, иерархия* и т.п.), но на деле обозначаем с их помощью разные вещи – либо наши интеллектуальные инструменты, либо наблюдаемую действительность.

Существует огромная литература о концептуализации империй и цивилизаций. Характер данной статьи не позволяет дать даже самый краткий обзор этой литературы или просто представить важнейшие исследования понятий «империя» и «цивилизация». Приходится ограничиться тем, чтобы предложить свое понимание отдельных терминов, которые могли бы войти в общий понятий-

¹ Впервые идея формы жизни или жизнеформы (*livsform*) была предложена датскими ботаниками Е. Вармингом (1895) и К. Раукьером (1904). Затем это слово было использовано шведом Р. Челленом по отношению к государствам. Наконец, Л. Виттгенштейн дал термину *Lebensform* обобщенную философскую трактовку (1953). В данной статье под жизнеформами понимается комплексное соединение разнообразных морфологических образований в целостном фрагменте жизни.

ный аппарат анализа имперского феномена как такового¹. Понятийный аппарат, как и язык анализа в целом, не может быть создан одним исследователем или даже замкнутой «школой». Требуются достаточно широкий диалог и соревнование концепций и идей, чтобы живой язык и понятийный аппарат возникли и утвердились в науке.

Такой подход вполне логично побуждает предложить свои варианты концептуализации и пригласить коллег оспорить предлагаемые трактовки терминов и способов их использования. В силу этого статья будет просто разделена на ряд очерков, посвященных отдельным терминам: *форма*, имперские и цивилизационные *формулы*, политические *порядки* различного масштаба и характера. Однако предварить эти очерки требуется замечаниями об употреблении лексиконцептов, словопонятий *форма*, *порядок* и аналогичных им в единственном и множественном числе.

Номенклатура в единственном и множественных числах

Один из простейших и естественных способов различения претендующих на универсализм аналитических инструментов и уникальных исторических явлений – это грамматическое число. Универсальный инструмент совершенно естественно обретает единственное (один для всех) число. Соответственно множество уникальных явлений в своей совокупности обозначаются множественным числом. В соответствии с этим можно говорить об общей, универсальной форме (единственное число) аналитически выделяемой и мыслимой идеальной цивилизации / империи, а также о конкретных формах (множественное число) эмпирических явленных цивилизаций / империй. Возможно и иное словопотребление. Равным образом допустимо говорить об общем универсальном порядке идеальной, только в наших умах существующей цивилизации / империи и о множестве эмпирически явленных порядков в тех или иных исторических и геополитических обстоятельствах. Однако мне представляется гораздо более удобным говорить об универсальной морфологической форме империи /

¹ Отмечу только несколько недавних диссертационных сочинений, посвященных целиком или в значительной части анализу понятийного аппарата исследований феномена империй [Дамирчиев, 2010; Матвеев, 2008; Ткачев, 2005].

цивилизации и об уникальных порядках исторических империй и цивилизаций.

Целесообразней вербализовать, придать универсальной форме / порядку терминологический облик с помощью слова *форма*, а эмпирически явленным формам / порядкам – слова *порядки*.

Помимо языкового чутья предпочесть вариант «универсальная морфологическая форма и уникальные политические порядки» помогает пример полибиевского совмещения разных порядков в одной форме. Действительно Полибий находил разгадку величию Рима, чудесную форму (и формулу) его владычества-империума в соединении не только трех разных порядков (монархического, аристократического и демократического), но также во взаимном подкреплении их конкретных институциональных проявлений.

Другая причина, по которой уместно предпочесть термин *форма* для обозначения морфологического принципа имперской организации, заключается в том, что тогда отвечающую этому принципу структуру или, точнее, аналитическую модель естественно будет именовать *формулой*. При этом более детальные и своеобразные аналитические модели отдельных эмпирических порядков также целесообразно именовать *формулой* в силу того, что любая модель так или иначе является мыслительным образованием, которое по определению заметно абстрактнее даже идеографически представленных данных, а тем более фактуры, подлежащей обработке с помощью соответствующей модели.

Вспомним, что Роберт Даль настаивал на необходимости строгого различия «идеальных апельсинов» и «настоящих яблок», идеальной и действительной, «реально существующей» демократии. Замечу, что точнее было бы говорить об «идеальном фрукте» и настоящих апельсинах, яблоках и т.п. Именно так различал морфологический прафеномен и эмпирические феномены И.-В. Гёте.

Форма

Форма является центральной категорией мышления двух великих мыслителей – Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, – которые надолго, вероятно навсегда, определили традицию осмысления исторических комплексов империй-цивилизаций. Это и

понятно, так как они осуществляли *морфологическое* рассмотрение этого многообразного предмета. И хотя морфологический подход применим для анализа политических явлений самого разного рода, от первобытных до новейших, от локальных до глобальных, как раз форма и у Тойнби со Шпенглером, и у других ученых особенно органично и полно «улавливает», концептуализует именно имперские и цивилизационные порядки.

Морфологический подход связан с анализом форм. Оба соответствующих слова – греческое *μορφή* и латинское *forma* – созвучны. Возникает впечатление, будто произошла просто перестановка слогов и звуков. Это нередко заставляет усматривать и родство между этими словами, чего не избежали в своем авторитетном словаре А. Вальде и Й. Хофмана [Walde, 1938]. Однако сейчас можно считать установленным, что их происхождение различно. Этимологи возводят латинское слово к индоевропейскому корню **dher-* со значением «держать», а греческое – к **mer-* со значением «сияние, сиять». В греческом есть глагол *μαρμαίρω* – «сиять». Присоединение к корню суффикса **bha* дало существительное *μορφή* (< **mor-bhā*) со значением «облик» и прилагательное *μορφνός* – «темный». В русском от индоевропейского сияния произошло *марево*, а в латыни прилагательное *terus* – «чистый» [Pokorny, 1959, S. 734]. Такой контраст смыслов не должен удивлять. Здесь мы сталкиваемся с явлением энантиосемии – контрастности смыслов. Например, слова *блестящий*, *блеклый* и *бледный* восходят к корню **bhlēi* [Pokorny, 1959, S. 155–156, 160].

Греческой идее морфы, облика противостоит латинская идея формы, упорядоченности. В чем ее смысл и какова внутренняя форма соответствующего латинского слова? Этот вопрос уместно разобрать после краткого обращения к Вергилию. В шестой книге своей «Энеиды» он устами Анхиза передает Энею отеческий завет, в чем должны состоять величие и миссия Рима. При этом признает и аналогичные таланты неназванных других – греков, конечно. Им дано создавать прекрасные пластические создания из бронзы и мрамора, находить яркие образы в ораторских прениях, улавливать контуры движений небесной сферы. Не правда ли, это замечательное владение искусством находить облик, морфу? А вот римлянам дано иное:

Тебе же, о римлянин, помни – державно народами править;
В том твои будут искусства, вводить чтоб обычаи мира,
Милость покорным давать и войною обуздывать гордых.

Сам выбор слов характерен. Тебе править имперски народами – *tu regere imperio populos*. И тут же следом – *pacique imponere morem*. Нравы мира вчинять, *im-ponere* (дословно «в-кладывать»), почти *im-perare* «властвовать» от *im-parare* «приготавливать»¹. И это накладывание и закрепление нравов мира как раз и есть создание («приготовление») и поддержание формы по-римски.

Что же означает латинское слово *forma*? Каковы его внутренней форма и этимология? Эти вопросы прекрасно разъяснены в замечательном сочинении В.Л. Цымбурского «Латинский трилистник», которое теперь доступно в четырех, по крайней мере, изданиях [Цымбурский 2000; Цымбурский, 2008; Цымбурский, 2011; Цымбурский, 2011] и в Сети. Замечательный лингвист и политолог убедительно показывает связь между словами *форма* и *дхарма* (от индоевропейского этимона **dher-m*), ссылаясь при этом на В.Н. Топорова в первенстве ее обоснования [Топоров, 1988]. Впрочем, В.Л. Цымбурский неоднократно излагал эту идею в своих выступлениях и беседах с коллегами. Мы не раз обсуждали с ним возможность более широкой трактовки установленной им связи двух цивилизационных принципов. Это позволило мне писать в свое время о трех таких принципах – римской форме, индийской дхарме и славянской державе [Ильин, 1997, с. 224].

Хотя В.Л. Цымбурский возражал против выстраивания подобного единого ряда не только из-за различного суффиксального оформления (*m* в одном случае и *s* в другом), но также из-за существенных смысловых различий, мне по-прежнему представляется, что славянский принцип державы, имеющий исходно явно выраженный сакральный смысл поддержания не только социального, но также сакрального единства и порядка [Ильин 1997, с. 225–226],

¹ *Im-paro, im-parare* от приставки *in* «в-, на-, воз-, при-» с глаголами и глагола *paro* «готовить, копить, предпринимать», т.е. дословно «при-готавливать, вчинять, воз-действовать». Подробнее об этимологии и смысле этого глагола и отглагольных существительных см.: [Wagenvoort, 1947, p. 66–70], который акцентирует исходные первобытные смыслы порождения и прокреативной силы (глаголы *paro* «готовить» и *pario* «рождать» однокоренные).

вполне позволяет считать его однопорядковым с формой и дхармой. Более того, в этом ряду может найти свое место и литовский лад – слово *dermė* (обозначает «интервальный ряд», но исходно также лад и гармонию в целом). Хотя это ключевое слово приобрело довольно узкое значение, сама идея лада без сомнения крайне важна и для литовской, и для балто-черноморской традиций. Нельзя не признать, что литовская культура не развилась в полномасштабную цивилизацию, однако с XIV по XVI в. Великое княжество Литовское восстановило имперские структуры Киевской Руси и само стало своего рода Балто-Черноморской империей на два с лишним столетия [Ильин, Мелешкина, 2010]. Как раз в этот исторический период был осуществлен удачный литовско-славянский синтез, согласие, лад, *dermė*.

Таким образом, в индоевропейской традиции прослеживаются, по меньшей мере, четыре версии общего морфологического принципа имперской и цивилизационной организации. Этот морфологический принцип заключается в *избытке блага, открытости первого порядка¹, монизме, концентричности и иерархичности организации, а также в противопоставлении открытой системы блага внешней варварской среде, для которой характерен дефицит блага*. В каждой версии общего (универсального) морфологического принципа опорным моментом концептуализации является благо. Для эллинства – это «облик, образ, гештальт, пластичность» (эллинство), для романской и, шире, западноевропейской традиции – это «упорядоченность, закрепление, фиксация образцов и правил», для славянства – это «удерживание исходного фундаментального единства» и для литовской культуры – это «лад, выстраивание ряда». Не берусь судить, каковы иные версии общего морфологического принципа, тем более за пределами индоевропейского культурно-исторического ареала. Можно, однако, проследить хотя бы на некоторых примерах, как общие морфологические принципы подкрепляются и разворачиваются в виде имперских и цивилизационных формул.

¹ Под открытостью первого порядка понимается безусловная открытость, которая создается избытком неких качеств в ядре системы (блага) и дефицитом данных качеств, блага во внешней среде. В силу этого открытость и экспорт блага является «естественным», ничем не сдерживаемым и неуправляемым [Ильин, 1995; Ильин, Цымбурский, 1997].

Цивилизационные и имперские формулы

Чем отличается универсальная форма империи / цивилизации от цивилизационных и имперских формул? Прежде всего тем, что форма относится к идеальной ситуации ничем не ограничиваемого и не сдерживаемого экспорта блага в лишенную этого блага варварскую среду, а формулы ориентированы на жизненные ограничения и возможности реализации требований формы в конкретных исторических и геополитических условиях. Иными словами, благо мыслится уже не как безусловно избыточное, но подлежащее производству. Потребность в благе во внешней варварской среде также не безусловна, а ограничена спросом. Соответственно сама открытость также становится не безусловной, а варьируется относительно разных секторов среды. Равным образом монизм и концентричность иерархического устройства трансформируются в системы непрямого правления относительно как уже интегрированных в империю / цивилизацию прежних варварских сред, так и подлежащих интегрированию все еще чуждых, т.е. враждебных сред.

Начать рассмотрение цивилизационных и имперских формул разумно с Древнего Рима. В силу исторических обстоятельств именно римская цивилизация и империя сохранили свою образцовость для западного мира и созданной им современной науки. На этой базе возник и привычный для нас язык самоописания универсальной идеи империи.

В римской версии идеи как империи, так и цивилизации – вспомним Вергилия – связаны с навязыванием образцов и правил их воссоздания, а также распространения во внешней варварской среде. Соответствующие ключевые обозначения империи (*imperium*) и цивилизации-цивилизованности (*civilitas*) в этом отношении вполне прозрачны и понятны. Что до термина *цивилизация* – уже не римского, а новоевропейского, – то он удачно соединяет обозначение и процесса, и результата процесса навязывания образцов и правил их воссоздания в варварской среде. Либо внешней, неевропейской, незападной, немодерной, либо внутренней, немодерной и непросвещенной.

Однако империя в ее исходном древнеримском понимании включает в себя множество отдельных элементов, более частных порядков, а также подкрепляющих принципов. Начнем с послед-

них. Это идея сообщества граждан (*civitas*) и их общего достояния (*res publica*). Рискну заметить, что данная особенность, возможно, универсальна и связана с тем, что практически повсюду проявляется в формах патримониализма¹. Это, однако, требует тщательного исследования и обсуждения. Пока же сосредоточимся на чисто римском, западноевропейском и вообще условно западном материале.

Идея сообщества граждан укоренена в крайне архаичном представлении о сотовариществе, дружестве. Римский гражданин (*civis*) – это исходно близкий человек, которому можно безоговорочно доверять [Бенвенист, 1995, с. 220–222]. Однако родовые параллели, которые дает нам этимология, не вполне подходят. В римском случае исходное сообщество было создано искусственно тем, кто собрался под эгиду (и даже буквально за эгиду-щит) Ромула и Рема. В этом смысле *civitas* – это вполне сознательно сконструированное сообщество заинтересованных *cives*, которые сознательно и рационально учреждают данный институт. Это, естественно, имело важные политические последствия, которые рассмотрены в соответствующей литературе, что избавляет от необходимости пересказывать их в данной короткой статье.

Еще более рационализировано понятие республики. Оно достаточно подробно проанализировано в мировой и отечественной политологии. Существует и большая литература о республиканской традиции на Западе, о ее разновидностях и этапах трансформации. Соответствующий материал доступен благодаря в высшей степени плодотворным усилиям О.В. Хархордина и его коллег.

Что касается частных порядков, образующих империю и ее цивилизацию, то упомяну лишь малые республики (*rei publicae*)²,

¹ Существует громадный разнобой в трактовке патримониализма. Отчасти это можно объяснить смещением морфологической формы, конкретизирующих ее формул и фактических порядков, отчасти сваливанием в рубрику *патримониализм* всего, что не укладывается в дихотомию «демократия – авторитаризм». Что же касается формы патримониализма, то она предполагает формирование политического порядка вообще и конкретных порядков в частности на основе общего патримониума, наследия, как бы оно ни определялось в том или ином контексте. Отсюда вытекают важные структурные аспекты формулы патримониализма, например слияние или нераздельность власти и собственности, поскольку они являются сторонами неразрывно целостного патримониума.

² В классической традиции под республикой понимается политическое «тело» любого масштаба и сложности. Так, средневековый итальянский юрист

которые на свой лад воспроизводят республиканский алгоритм, а также союзников (*foederati, socii*), провинции (*provinciae*), колонии (*coloniae*) и т.п. Некоторые из них будут рассмотрены в разделе о политических порядках.

Латынь и производные от латинской номенклатуры термина дают нам привычный и естественный для нас язык описания имперских и цивилизационных форм. Однако это не единственно возможный язык. Потенциально их столько же, сколько возникало империй и цивилизаций, поскольку каждая империя создавала и создает свою уникальную идею цивилизационной формы.

При всем индивидуальном своеобразии отдельных концептуализаций в них просматриваются некоторые общие черты. Так или иначе в самих названиях империй выражаются претензии на универсализм и всеобщность.

Типичны концептуализации типа «четыре стороны света» (шумеры, Ахемениды, инки, китайцы). Ксеркс говорил о шести странах, а Чингисхан претендовал на статус океанического императора, ограниченного только океаном [Duverger, 1980, p. 16–17]. Существует мнение, что само имя Чингисхана, т.е. дословно «великого хана», имеет именно этот смысл [Roux, 2003, p. 25]. В монгольской и тибетской традициях титулатура и наименование высших властителей предполагает использование метафоры «величие = океан». Так, в именах Далай-лам (дословно Великий лама, Лама-океан) обязательно присутствует тибетское слово *Gyatso*, обозначающее океан. А наследники Чингисхана, начиная с Гуюк-хана, титуловались Далай-хан [Saunders, 2001, p. 225].

Весьма показательно название империи Инки на языке кечуа – *Tawantinsuyu*. Оно образовано корнем *tawa* «четыре» с суффиксом обобщения *ntin* и вторым корнем *suyu* – «сторона, направление» – как и в русском языке «страна» [Тупак Юпанки, 2008–

Бартоло ди Сассоферато четко разделял республики разных масштабов: «Республика необходимо принимает (*debet accipere*) четыре модуса. Первый относится к целому (*pro toto*), например, к Империи; второй – к Республике Римлян, третий – к республике любого сообщества (*cuiuslibet civitatis*), четвертый – к республике любого поселения (*cuiuslibet municipii*)». Подробнее см.: *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck (hrsg.) – Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. 8931 S.

2010, с. 69]. Так что, возможно, близко к оригиналу перевести название *Тауантинсуйу* можно как «четыре-вместе-страны».

Сходная концептуализация появляется в Китае в эпоху Чжоу, т.е. уже в X в. до н.э. Империя именуется Четыре четверти (四方). Однако в китайской традиции концептуализация оказалась исключительно богатой и включает несколько вариантов. Помимо Четырех четвертей это также Поднебесная и Срединное государство [Han-je Park, 2012, p. 37].

Пожалуй, самый яркий способ универалистской концептуализации дает китайское название империи и всего *Rax Chinica* – *Поднебесная* (*Тянься*, 天下). Этот термин появился уже в Иньскую эпоху, т.е. три с половиной тысячелетия назад. Однако только спустя еще тысячелетие, уже во времена Чжоу он приобрел окончательную значимость и нынешний цивилизационный смысл.

Название Срединное государство (*Чжунго*, 中國/中国) появляется уже в эпоху Чжоу. Первый иероглиф 中 обозначает «центр», или «середину». Второй элемент 國 (или 国) означает «государство». Только в так называемый период «Весны и Осени» (722–481 до н.э.) словом *чжунго* стали обозначать коренные земли, связанные традицией с Западным Чжоу и противостоящие «варварским» княжествам. Впоследствии, однако, атрибуция, расположение и размеры ядра изменялись. В настоящее время они отождествляются со всей официальной территорией Китая.

Наконец, еще одно название и одновременно характеристика Китая (точнее, самих китайцев в противоположность варварам) – это *хуася* (華夏). Понять и перевести это название можно различными способами, однако самое авторитетное восходит еще к «Цзо чжуань», знаменитому памятнику V в. до н.э. Это толкование интерпретирует *хуа* (華) как «изогранный, узорный», а *ся* (夏) как «великий, превосходный». Данное понятие обозначает качество цивилизованности, или «великолепное узорочье», а не только самих носителей этого качества.

Таким образом, в китайской цивилизационной логике сложенное четырьмя четвертями Срединное государство становится ядром Поднебесной, которая пространственно равнозначна всему кругу земному, но качественно сосредоточена в «великолепном узорочье».

Возращения в индоевропейский культурно-лингвистический ареал требует хотя бы эскизное освещение эллинской и славянской цивилизационных формул.

Эллинская наглядность, пластика и тяготение к гештальту выдвигают на первый план образ домохозяйства, *οἰκός*, *οἶκος*. Этот образ может концентрироваться на конкретном и повседневном *синойкизме*, *συνοικισμός*, «сожительстве» или даже «сохозяйствовании», а может расшириться вплоть до *οἰκουμένης*, *οἰκουμένη*, вселенной, «сверхдомохозяйства».

Важна для эллинского цивилизационного самовосприятия также идея *общины*, *κοινῆς*, *κοινῆ*. Именно этим словом называли древние греки общий, наддиалектный вариант своего языка и связанных с ним культурных стандартов.

Организационный принцип выражает *Ἀμφικτιών*, амфиктиония, «окружное, областное жительство».

Славянская идея *света* и *мира* является смысловым эквивалентом цивилизационного пространства. Основным благом этого *Светомирья*, *Светорусья* является *правда*. Структурно Светомирье делится на стороны-страны, на концы и концы, на краины и края. Дальше, уже вплотную к варварскому, немецкому пространству находятся пределы, окраины и украинны.

Беглый обзор цивилизационных и имперских формул показывает, что они лишь в самом общем виде характеризуют открытость соответствующих систем, а также допускают или даже фиксируют наличие различных порядков, как внутри, так и снаружи, в варварской среде. Богатство и разнообразие этих порядков как раз и придает империям и цивилизациям их своеобразие. Однако при всем своем разнообразии политические порядки отчетливо разделяются на несколько характерных типов, рассмотрению которых посвящен следующий раздел статьи.

Политические порядки

Общий структурный принцип открытости определяет морфологическую специфику империй и цивилизаций. Однако это не единственный принцип организации, поскольку принципиальная открытость систем легко уживается, во-первых, с его ограниченным и частичным использованием, во-вторых, с одновременным

использованием иных способов системной организации, а именно закрытости или ограничений открытости.

Было бы иллюзией считать, что постепенно возникшая, многообразная и изменяющаяся система может руководствоваться одним-единственным принципом открытости или любым иным. Действительно, некий организационный принцип может лежать в основе общего институционального плана системы как целого и алгоритмов ее поддержания и изменения, однако отдельные части этой системы или аспекты ее функционирования требуют своих оснований и отвечают своей собственной (суб) системной логике. Это и понятно. Субсистема – это иная система, со своим собственным составом, структурой, целостностью и средой.

Можно выделить относительно автономные образования внутри больших имперских и цивилизационных систем. Каждое такое образование имеет свои системные характеристики, институциональные конфигурации и деятельностные установки. Их устойчивый комплекс можно назвать порядком. Тогда каждая империя и цивилизация в меру своей сложности и гетерогенности будет включать некоторое число своеобразных порядков.

Порядок – это очень полезная категория, как в единственном числе (принцип сбалансированности и четкости организации), так и во множественном (различные феномены относительно отчетливой организации). В последнее время она переживает своего рода ренессанс. Дуглас Норт и его коллеги сделали порядок (и порядки – для них различие множественного и единственного числа несущественно) буквально базовой категорией, призванной описывать и объяснять общесистемные свойства целых эволюционных поколений общесоциальных¹ систем [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2009]. В частности, они выделяют порядки открытого (open access orders) и ограниченного доступа (limited access orders), что предполагает и нерассматриваемую ими возможность порядков закрытого доступа (closed access orders). Конечно, редукция открытости как таковой к открытости доступа²

¹ Под общесоциальными системами в отличие от собственно социальных систем понимаются целостные и аналитически нерасчлененные социально-политически-экономическо-культурно-разномерные образования.

² Данная редукция фактически исключает все другие аспекты открытости, а именно баланс обменов со средой. В случае с империями важен не столько дос-

как будто конкретизирует используемую ими категорию. Это должно было бы уменьшить угрозу избыточной абстрактности. Однако на деле происходит нечто напоминающее концептную натяжку. Фактическое рассмотрение эффектов общеморфологической открытости осуществляется лишь с учетом доступа, но трактуемого по необходимости крайне расплывчато.

Предложенная в данной статье номенклатура подразумевает ясное и последовательное использование термина *порядки* во множественном числе для обозначения частных в пространстве и во времени даже по отношению к историческим империям и цивилизациям с их специфическими формулами. Такой подход оправдывается тем, что империи и цивилизации унаследовали эволюционно более старые варварские порядки, которые актуально присутствуют в снятом виде как вкрапления различных более мелких масштабов в уже цивилизованную имперскую плоть.

Оставаясь открытыми в принципе системами, империи и цивилизации сохраняют закрытые и «полуоткрытые» порядки внутри своего цивилизованного порядка-мира (*рах*), как уже вчиненного (*im-perata*), так и подлежащего вчинению (*im-peratura*). В силу своей открытости они обречены на безостановочное воспроизводство своеобразной открытой формы. Только в этом сизифовом формо-творчестве внешнего «бесформенного» и варварского мира осуществляется имперская миссия процесса цивилизации, а сама империя обретает свою форму, и возникает цивилизация-результат.

Внутри империй и цивилизаций существуют порядки разного рода, которые могут характеризоваться различным качеством параметра открытости / закрытости¹.

туп, например варваров, к благам цивилизации, сколько экспорт этих благ, а с ними коммуникативных, политических, хозяйственных и прочих порядков, имперских форм и самой имперской формы. В случае с современными системами количество параметров обмена со средой радикально возрастает, что тем более делает проблематичным выделение одного лишь доступа.

¹ Данный параметр лежит в основе авторской концепции хронополитики [Ильин, 1995]. Помимо собственно закрытости и открытости первого порядка, вычленяются также открытость второго порядка как способность регулировать аспекты открытости и закрытости [Ильин, Цымбурский, 1997], а также эволюционные эпохи (зоны) парадоксальных совмещений черт открытости и закрытости перед и после зона исторических империй и цивилизаций.

Более ранние по происхождению образования сохраняют принципиальную закрытость как таковую и в том числе закрытый доступ. Это племенные, семейные и прочие естественные «тела», восходящие не только к варварству, но и к дикости. Некоторые из них могут выжить в своем первозданном и даже первобытном виде. Большинство, однако, преобразуется, образуя касты, варны, кланы, культовые секты, общности наследственных занятий типа японских бэ, традиционные жреческие воинские и прочие корпорации и т.п.

Эволюционно более поздними, сложными и масштабными являются «полуоткрытые» искусственные «тела». Это полисные, корпоративные и прочие искусственные порядки или, если пользоваться римскими примерами, автономные «общие достояния» – *rei publicae*. В их число входят демо-территориальные образования: провинции – *provinciae*, колонии – *coloniae*, союзники – *foederati*, близкие союзники – *socii*, сделанные созниками – *Latini laeti*, а также разного рода доминиумы и царства, интегрированные в состав империи.

Наиболее важным доимперским по происхождению порядком является полис. Он критически важен по двум обстоятельствам. Во-первых, именно полисы становятся локусами структурных связей внутри империи, своего рода «узелками», связывающими имперские иерархии¹. Во-вторых, именно Вечный город превращает свой полисный культурный потенциал в основной ресурс имперского цивилизовывания, а прочие свои ресурсы (людские, хозяйственные, коммуникативные и т.п.) – в средства имперского строительства.

Полисные системы как сгустки закрытых, племенных по происхождению систем, в которых происходит их «вскрытие», не просто становятся парадоксальным образом «приоткрытыми». Они обретают новое эволюционно и морфологически важное качество – способность выступать концентраторами благ разного рода.

Полисные порядки ограниченного, выражаясь языком Норта и его коллег, а чаще полузакрытого доступа вполне органично сочетаются с общей открытой формой (порядком в единственном

¹ Это безусловно верно для оседлых империй разного рода (потамических, континентальных, приморских, средиземноморских и т.п.), но справедливо также для кочевых экзополитарных империй, которые в конечном счете «пасут» и связывают оседлые популяции, формирующиеся вокруг полисов.

числе) империи и цивилизации. При этом сами полисные порядки ранжируются от муниципий до Вечного города с региональными столицами или особыми имперского подчинения поселениями.

* * *

Предложенный в данной статье терминологический аппарат и его морфологическая интерпретация не являются, разумеется, единственно возможными. Возможны и даже желательны альтернативные способы концептуализации. При всей самостоятельности они должны будут так или иначе откликнуться на представленную здесь систему концептуализации, либо трансформировав ее в иных терминах, либо развив и усовершенствовав. Однако при любом варианте различие обобщающих морфологических принципов, аналитических моделей и исторических явлений, отягощенных фактурой – пусть даже именуемых одним и тем же образом, например *империя*, – должно сохраниться. В этом и заключается одна из основных целей предложенной вниманию читателей концепции.

Литература

- Theories of Empire, 1450–1800 / Armitage D. (ed.). – Aldershot; Brookfield, VT: Ashgate, 1998. – 388 p.
- Banuls A.* Les mots culture et civilisation en français et en allemand // *Études germanique*. – P., 1969. – Avril – Juin. – P. 171–180.
- Battistella D.* La notion d'empire en théorie des relations internationales // *Questions internationales*. – P., 2007. – N 26. – P. 27–32.
- Béneton Ph.* Histoire de mots: culture et civilisation. – P.: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1975. – 164 p.
- Benveniste E.* Civilisation – contribution à l'histoire du mot // *Problèmes de linguistique générale*. – P.: Gallimard, 1966. – P. 47–54.
- Dampierre E. de.* Note sur «culture» et «civilisation» // *Comparative studies in society and history*. – L., 1961. – Vol. 3, N 4. – P. 328–340.
- Duverger M.* Le concept d'Empire. – P.: PUF, 1980. – 488 p.
- Han-je Park.* From barbarians to the Middle Kingdom: the rise of the title «Emperor, Heavenly Qaghan» and its significance // *Journal of Central Eurasian studies*. – Seoul, 2012. – Vol. 3, N 10. – P. 23–68.
- Lochore R.A.* History of the idea of civilization in France, 1830–1870. – Bonn: Röhrscheid, 1935. – 245 p.

- Ménissier T.* L'idée d'Empire – Dans la pensée politique, historique, juridique et philosophique. – P.: Editions L'Harmattan, 2006. – 279 p.
- Moras J.* Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich, 1756–1830. – Hamburg: Seminar für Romanische Sprachen und Kultur, 1930. – 87 S.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – 308 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern; München, 1947–1966. – 300 p.
- Richardson J.S.* Imperium Romanum. Empire and the language of power // Theories of Empire, 1450–1800 / Armitage D. (ed.). – Variorum: Ashgate, 1998. – P. 1–9.
- Roux J.P.* Gengis Khan et l'Empire mongol. – P.: Gallimard, 2002. – 144 p.
- Saunders J.J.* The history of the Mongol conquests. – Philadelphia, Pen.: Univ. of Pennsylvania press, 2001. – 296 p.
- Wagenvoort H.* Roman dynamism. Studies in ancient Roman thought, language and custom. – Oxford: Alden Press, 1947. – 214 p.
- Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg: C. Winter, 1938. – 271 S.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
- Бенвенист. Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс, 1995. – 1124 с.
- Грачёв Н.И.* Империя как форма государства // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. – Волгоград, 2012. – № 2 (17). – С. 18–28.
- Даль Р.* Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
- Дамирчиев Эмин Исахан оглы.* Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования. – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. – 173 с.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть 1: Основания хронополитики. – М.: МГИМО, 1995. – 112 с.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть 2: Хронополитическая перспектива. Часть 3: Отечественная хронополитика. – М.: МГИМО, 1995. – 140 с.
- Ильин М.В., Цымбурский В.Л.* Общества «открытые» и «закрытые» (миф и его рационализация) // Космополис: Альманах. – М., 1997. – С. 192–216.
- Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
- Матвеев В.Е.* Концепт «империя» в современной научной литературе. – Омск: Томский гос. ун-т, 2008. – 239 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.

- Ткачёв С.В. Империя как современная полития. – Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2005. – 217 с.
- Тупак Юпанки Д. Учебник языка кечуа – языка потомков инков. – Киев, 2010. – Режим доступа: <http://kuprienko.info/demetrio-tupac-yupanqui-el-curso-quechua-altuso/> (Дата посещения: 20.05.2013.)
- Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 110–149.
- Феоктистов Г.Г. Империя как тип структурного деления мира (опыт классификации) // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 2. – С. 103–110.
- Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема). – М.: ИНДЕМ, 1991. – 69 с.
- Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. – М., 1992. – № 1. – С. 89–120.
- Шогенов Ш.Х. Роль концепта «империя» в познании глобализирующегося мира. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2007. – 32 с.
- Цымбурский В.Л. Форма и дхарма // Материалы чтений, посвященных памяти И.М. Тронского. – СПб., 2000. – Вып. 4. – С. 117–123.
- Цымбурский В.Л. Латинский трилистник // Acta linguistica petropolitana: Труды ин-та лингвистических исследований РАН // Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н.Н. Казанского. – СПб., 2008. – Т. 4, часть 1: Colloquia classica et indogermanica. – С. 169–220.
- Цымбурский В.Л. Scripta minora: Язык и древность. Гомер и Троя / Сб. ст. под ред. В.Ф. Шевченко. – М.: Европа, 2011. – С. 95–147.
- Цымбурский В.Л. Из «Латинского трилистника». МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – Вып. 2. – С. 368–389.
- Чунь цю Цзо чжуань. Комментарий Цзо к «Чунь цю». – М.: Вост. лит., 2011. – 335 с.